
DOI: 10.15393/j9.art.2014.767

Марина Сергеевна Краснякова

*аспирант Воронежского государственного университета
(Воронеж, Российская Федерация)
marinakrasniakova@rambler.ru*

РЕДУКЦИЯ ЕВАНГЕЛЬСКИХ «СЮЖЕТОВ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

Аннотация. В статье проанализированы произведения современных авторов, представляющих особое художественное направление — православную беллетристику, сложившуюся в отечественной словесности последних десятилетий, дана интерпретация библейских сюжетов в художественном тексте.

Евангельские сюжеты и мотивы востребованы в современной беллетристике, они диктуют особую структуру повествования. Сюжетная схема, выстраиваемая на основе автобиографического материала в произведениях авторов-священников, в большей степени сохраняет изначальную притчевую структуру, максимально приближенную к первоисточнику. Действие Божьего Промысла осмыслено как исполнение просьбы-молитвы человека, изначально доверяющего Смыслам, заключенным в Евангелии.

В произведениях светских авторов знаковыми становятся ситуации иллюзии, розыгрыша, отображающие бездуховное состояние современного общества. Притчевый сюжет сохраняет потребность в авторском толковании, основанном на желании современного писателя обнажить нравственный пафос произведения. Появляется лейтмотив чудесного действия Божьего Промысла в судьбе человека.

Аналитическим материалом статьи послужили книга А. Владимирова «С высоты птичьего полета», рассказы М. Яковлева «Пир» и В. Крупина «Ловцы человеков».

Ключевые слова: современная православная беллетристика, библейский сюжет, притчевая структура

В последние десятилетия в отечественной словесности выделилось особое художественное направление — православная беллетристика. Особенно ярко звучат фамилии писателей-священников: архимандрита Тихона (Шевкунова), А. Владимирова, Я. Шипова, Н. Агафонова, Н. Блохина и др.

В произведениях православных писателей мы встречаем разного рода интертекстуальные включения. Источниками таких включений, как правило, являются Евангелие, святоотеческие книги. Это вполне объяснимо. Автор стремится

передать нам содержательную сторону православного учения и опирается на прямые источники. Наибольший интерес представляют художественные произведения, в которых авторы используют притчевые евангельские сюжеты, переосмысливая их, наполняя новым содержанием.

Библейские сюжеты, наряду с сюжетами античной мифологии, составляют фундамент отечественной культуры, они легли в основу огромного числа произведений разных временных пластов. Библия оказалась той великой неисчерпаемой Книгой, которая содержит и все вопросы, тревожащие человечество, и ответы на них, и потому остается актуальной во все времена.

Цель данной статьи — проследить редукцию известных евангельских сюжетов в произведениях современной православной беллетристики, выявить некоторые черты «новой онтологии традиционных мотивов и сюжетов» [1, 39].

Сюжет «о званых и избранных», восходящий к истории о пире в доме богача, лежит в основе в рассказа М. Яковлева «Пир». Главный герой — Олег Васильевич Мамонов, владелец крупной торговой фирмы. Однажды после церковной службы, ожидая благословения священника, Мамонов слышит голос, призывающий его к милосердию:

Попробуй, — услышал он вдруг, — хотя бы один раз в жизни устрой такой пир. Если сможешь...¹

Олег Васильевич, твердо решив, что подобное мероприятие способно в корне изменить его жизнь, понимает и все трудности его устройства. Прежде всего, они связаны с необходимостью объяснить жене свое неожиданное решение. Нужно отметить, что с самого начала герой не вкладывает в осуществление своих планов глубокого сакрального смысла, а более подходит к предстоящему задуманному событию с формально-практической стороны:

Да, придут, — думал он, — будет грязно, ковер можно будет выбрасывать, стулья тоже засалят-запачкают чем-нибудь, и это ладно, не беда, ну повоняет и выветрится, а что не выветрится, то и сжечь можно в конце концов, ну и что? что такого? не пожар, не землетрясение, — накормить горстку бомжей...²

Свои намерения герой не способен воплотить без обмана. Мамонов прикидывается тяжело больным, для того чтобы супруга не могла отказать ему в устройстве пира для нищих. Так, мотив обмана с самого начала становится стержневым в рассказе. Олег Васильевич поручает накрыть богатый стол, собрать по подворотням и вокзалам обездоленных и нищих и накормить их, щедро одарив. Дальнейшее развитие действия в рассказе протекает независимо от воли главного героя, который действительно оказывается тяжело больным:

...он понимал, что это конец. Конец. Он почувствовал ... этот неумолимый знак Оттуда и об этом... хотя мозг его все еще не мог опомниться: как это в несколько часов превратиться из активного, полного жизненных сил мужика в умирающего человека?³

Внезапная болезнь выступает тем самым «противодействием», которое движет сюжет дальше. Предчувствуя близкую кончину, Мамонов приглашает священника и исповедуется.

Далее фабула рассказа наполняется вполне узнаваемыми атрибутами библейского сюжета. Приближенный Мамонова действительно призывает на пир нищих и обездоленных, объезжает все известные ему места в городе, где можно найти таких несчастных («много званых»). Но если в библейском сюжете благополучные и обеспеченные находят причину для отказа, то в современном мире даже нищие и обездоленные отказываются посетить пир — они не верят в искренность побуждений Мамонова:

Повидали мы как-то, так же вот пригласили...и что? Что с нами сделали-то, знаешь, потом? Я даже говорить не буду...⁴

Однако пир все же начинается, правда, превращается он в фарс: жена, обманывая мужа, приглашает искусных актеров, которые с успехом играют роли нищих. Мир переворачивается с ног на голову. В современном мире богатые не верят, но притворяются бедными и приходят на пир, а среди настоящих бедных нет веры в истину и доброту. Где же те самые «избранные»? Ответ писателя очевиден и горек — званых много, а избранных нет. Тем контрастнее звучат слова Мамонова, не догадывающегося, что он обращается к актерам:

Я хочу, чтобы была у нас Радость...я рад, что между нами нет ни лжи, ни зла, ни вражды...⁵

То, что сначала воспринималось героем формально, становится смыслом угасающей жизни. Не случайна фамилия главного героя. В Новом Завете «маммона» олицетворяет богатство, от поклонения которому предостерегаются верующие: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). И вот в конце рассказа герой освобождается от служения маммоне, раздавая свое богатство. В последние секунды жизни Олег Васильевич понимает обман, подстроенный женой, и только просит:

Господи... не наказывай их, они как и я. Такие же, как и я... Господи, зачем все так глупо!.. Господи...⁶

В рассказе М. Яковлева очевидна обреченность человека, решившего повторить библейский поступок в современном обществе. Окружающие не в состоянии воспринять задуманное добро иначе как розыгрыш, слишком чуждо оно сегодняшнему человеку. Библейский сюжет в XXI веке зачастую обречен на профанацию.

И все же в рассказе нет безнадежности: даже среди мнимых нищих, званых на пир в дом Мамонова, оказывается человек, который все-таки становится «избранным». Волею свыше Левушка — главный актер, устроитель пира, превращается в настоящего безумного нищего, познавшего истинную цель бытия и идущего «следом за Ним, за все еще видимым впереди Человеком...».

Логика подобного финала спорна. С одной стороны, образ Левушки не укладывается в рамки реалистического повествования, столь кардинальная смена жизненных ориентиров героя не мотивирована его жизненными обстоятельствами. С другой — в современной прозе типичен «сознательный обрыв сквозных причинно-следственных и хронологических фабульных траекторий, презентующих некий объективно наличный смысл событий» [1, 36]. Финал рассказа — сознательный шаг авторского преодоления фабулы. В контексте «духовного реализма» (термин

А.М. Любомудрова) такое преобразование героя вполне логично, поскольку «сущностные черты духовного реализма включают отражение христианского мирозерцания в предмете художественного освоения, а также в эстетических средствах создания образа» [5, 24]. На эту особенность поэтики русской словесности указывала и Ф.З. Канунова: «Преодоление абсолютизации причинно-следственных путей в объяснении человека, которое пришло вместе с религией... предопределяло радикальное обновление поэтики, особую пространственно-временную организацию произведения, когда линейное, циклическое, дискретное время синтезируются в универсальное художественное время, сакральное в своей сущности» [4, 187].

Распространен в современной беллетристике и другой евангельский сюжет, связанный с призыванием человека на служение Богу, условно говоря, сюжет «о ловцах человеков». Этот тип сюжета представлен в рассказе В. Крупина «Ловцы человеков». В центре повествования — рыболовы, которые очень хотят поймать рыбу. Однако это не будущие священники, как можно было бы предположить. «Ловцами человеков» В. Крупин называет писателей. Да и слова рыба-ловца — это не молитва ко Христу:

Я говорил рыбе: «Рыба, новичкам же везет, везет неопитам, дуракам, в конце концов, везет. На любое согласен, только поймайся»⁷.

Библейский сюжет проецируется на писательскую жизнь. Рассказ наполнен размышлениями героев о смысле и назначении писательского труда. В словах главного героя заключена основная мысль рассказа:

Всем же дается талант, тем, кто пишет. Талант обязательно от Бога. А использование таланта по двум путям, по Толстому, от Бога к сатане, и по Достоевскому: от сатаны к Богу⁸.

В рассказе В. Крупина писатели-рыболовы на берегу реки снабжены всем необходимым и даже лишним. Рядом с ними находятся люди, зорко следящие за тем, чтобы ни в чем не было недостатка, в том числе в рыбе. Угодливый комфорт имеет целью, чтобы писатели создавали «нужные» произведения:

А и сами мы все время предаем Россию. Что ее сердце? Православие...⁹.

В иносказательной форме автор дает понять, что его книги остаются не востребованными. Герой не может поймать рыбу (своего читателя), как ни старается:

Я не браконьер, — говорил я рыбе, — ни сетями, ни наметом не промышляю, химией не травлю, в порочащих связях не замечен, дети крещены, с женой венчан, родину люблю, с врагами ее борюсь". Плохо, значит, борюсь, раз мне родина даже рыбки единственной не выделит из недр...¹⁰

И наконец, в последних строках рассказа герои находят объяснение своим писательским неудачам. Здесь — кульминация размышлений о сущности «ловцов человеков»:

Русские писатели должны заниматься только одним — воцерковлением людей. Только этим. — Все правильно говоришь. — Но как они будут воцерковлять, сами невоцерковленные?¹¹

По-другому интерпретирует библейскую притчу А. Владимиров в книге «С высоты птичьего полета». В главе «Молитва» авторское воспоминание раскрывает перед нами картину детства. Босоногий мальчик на берегу реки при вечернем заходе солнца, затаив дыхание, смотрит на поплавок в ожидании поклевки. Желание поймать рыбу столь велико, что с уст ребенка невольно срываются слова первой детской молитвы:

...помню, как мои губы прошептали тогда: «Господи, помоги! Господи, пусть плотвички поскорее клонут! Господи!»¹²

В поисках ответа на вопрос, почему впервые обращение к Богу произошло именно в тот момент, писатель приходит к выводу об ограниченных возможностях человеческого познания: «Не на всякий вопрос на земле можно найти ответ...»¹³ Заканчивается глава ответом Небесного Отца на молитву ребенка, оформленным как прямая речь:

Вот ты ныне держишь в руках удочку и хочешь поймать этих рыбок... Пусть исполнится твоё желание... Но пройдёт известное Мне одному число лет, и Я сделаю тебя ловцом человеков... И тогда ты вспомнишь Того, Кто послал тебе удачу в сегодняшний день...¹⁴

Исходный текст находим в Евангелии от Матфея: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф. 4:19).

Так и автобиографичный герой книги «С высоты птичьего полета» становится священником, «ловцом человеков». В книге о. А. Владимирова евангельский сюжет дан с изменением внутренней субъектной организации — с изложения от третьего лица на первое. Благодаря этому персонажи и события включаются в коммуникативную ситуацию (автор — герой — читатель), что позволяет воспринимать лица и факты как реальные. Такой прием существенно усиливает содержательную сторону текста и увеличивает эстетическое воздействие.

Мы уже отмечали ранее, что в произведениях притчевого характера основную семантическую нагрузку несет авторское толкование. А. Владимиров использует библейскую притчу для передачи содержания, максимально созвучного первоисточнику. Условно фабульное построение сюжета «о ловцах человеков» можно выразить в схеме: просьба — молитва — обещание Небесного Отца — исполнение обещанного. В изложении А. Владимирова библейская притча звучит более убедительно, эмоционально, изложена прекрасным литературным языком.

У В. Крупина фабула не вполне соответствует заданной схеме. Есть лишь первая часть: просьба героя об удачном улове. Вторая же и третья пропущены, они заменены пространными рассуждениями о значении и смысле писательского труда. Впечатление о книге трудно назвать светлым: писатели — «ловцы человеков» — сами не знают, куда вести читателя, а если и знают, то не умеют. В чем же тогда смысл их труда, польза от которого весьма сомнительна?! Позиция В. Крупина звучит и как самокритика, и как критическая оценка современной литературной ситуации.

Следует также отметить различное авторское понимание одного и того же сюжета. Анализируя использование писателями евангельского текста, И. А. Есаулов отмечал,

что «неточность цитирования... евангельского текста вовсе не всегда непременно свидетельствует о каком-то сознательном его искажении, но может говорить и о той или иной степени адаптации, усвоения и понимания» [3, 20].

Притчевые сюжеты в произведениях светских авторов выявляют острые проблемы современности, в частности, критически бездуховное состояние нынешнего социума. Сущностными чертами сюжетного развития становятся ситуации обмана, розыгрыша, иллюзии. В этих произведениях выражена потребность толкования авторского замысла. В отличие от классической традиции, значительно более открытым становится сюжетный мотив чудесного действия Божьего Промысла в судьбе человека, открывающего ему истинные смыслы евангельской метаистории и собственного бытия. Вместе с тем современные русские писатели по-прежнему полагаются на духовный потенциал человека, его способность в «метафизической путанице» [2, 73] современного мира искать ту дорогу, которая «ведет к храму».

Примечания

- 1 *Яковлев М.* Пир. М.: Фома, 2002. № 1 (13). С. 28.
- 2 Там же. С. 30.
- 3 Там же. С. 37.
- 4 Там же. С. 45.
- 5 Там же. С. 48.
- 6 Там же. С. 49.
- 7 *Крупин В. Н.* Ловцы человек. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2004. С. 25.
- 8 Там же. С. 31.
- 9 Там же. С. 47.
- 10 Там же. С. 54.
- 11 Там же. С. 60.
- 12 *Владимиров А.* С высоты птичьего полёта. М.: Артос, 2012. С. 83.
- 13 Там же. С. 84.
- 14 Там же.

Список литературы

1. Бальбуров Э. А. Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм // Сюжет, мотив, история. Новосибирск: Наука, 2009. 309 с.
2. Басинский П. Возвращение (реализм и модернизм в конце XX века) // Подъем. 2000. № 1. С. 59–74.
3. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9 : Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 6. 408 с.
4. Канунова Ф. З. Оппозиция христианства и наполеонизма // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. С. 178–190.
5. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелёв. СПб.: Пушкинский Дом, 2003. 249 с.

Marina Sergeevna Krasnyakova

*A Postgraduate Student of Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
marinakrasniakova@rambler.ru*

REDUCTION OF EVANGELICAL "PLOTS" IN MODERN ORTHODOX FICTION

Abstract. The article analyzes the works of contemporary authors, representing a particular artistic direction — Orthodox fiction developed in the Russian literature for the last decades, the interpretation of biblical motifs in a literary text.

Evangelical plots and motifs are demanded in modern fiction, they determine a special structure of narration. The storyline built on the basis of autobiographical material in works of authors-priests mainly keeps the initial parabolic structure most closely resembling the primary source. Divine Providence is comprehended as execution of a request and a prayer of the person who is initially trust the Meanings contained in Gospel.

In the works of secular authors the situation of illusion, showing the state of soulless modern society become emblematic. A parabolic story still requires the author's interpretation, based on the desire of a modern writer to expose moral pathos of the work. There appears a keynote of a miraculous effect of Divine Providence on human destiny.

Analytical materials for the article were A. Vladimirov's book *From height of bird's flight*, stories *Feast* by M. Yakovlev and *Fishers of men* by V. Krupin.

Keywords: Modern orthodox fiction, biblical scene, parabolic structure

References

1. Balburow E.A. Syuzhet i istoriya: k probleme evolyutsii povestvovatel'nyh form [The story and history: on the problem of evolution of narrative forms]. *Syuzhet, motiv, istoriya* [Subject, motif, history]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009. 309 p.
2. Basinskiy P. Vozvrashchenie (realizm i modernizm v kontse XX veka). [Return (realism and modernism in the late 20th century)]. *Pod'em* [Rise], 2000, no. 1, pp. 59–74.
3. Esaulov I.A. Evangel'skiy tekst v russkoy kul'ture i sovremennaya nauka [The Gospel text in Russian culture and modern science]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2011. Vol. 9: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre]. Issue 6, pp. 5–23.
4. Kanunova F. Z. Oppozitsiya khristianstva i napoleonizma v russkoy literature 1830–1850-kh godov i nekotorye metodologicheskie problemy ee izucheniya (V. A. Zhukovskiy, G. S. Baten'kov, N. V. Gogol') [The opposition between Christianity and napoleonism in Russian literature 1830–1850-s and some methodological problems of its study (V. A. Zhukovskiy, G. S. Baten'kov, N. V. Gogol)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1998. Vol. 5: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre]. Issue 2, pp. 178–190.
5. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya. Boris Zaytsev. Ivan Shmelev* [Spiritual realism in literature of the Russian abroad. Boris Zaytsev. Ivan Shmelev]. St. Petersburg, Pushkin house Publ., 2003. 249 p.